

ТЕМА В ФОКУСЕ: СОВРЕМЕННАЯ АЗИЯ И КОНТУРЫ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-62-80

Научная статья / Research paper

К.В. Бабаев*

АЗИАТСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ И ГЕОЭКОНОМИКЕ

*Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и Современной Азии РАН»
117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32*

В последние годы происходит переориентация российской внешней политики и экономической деятельности в восточном направлении, что оказывает заметное влияние не только на Азиатский регион, но и на мировую политику в целом. В настоящей статье предпринимается попытка проследить ключевые эффекты российской политики «разворота на Восток» для международных отношений. В первом разделе статьи оцениваются последствия нового внешнеполитического курса России для Азиатского региона. В этом контексте автор обращает особое внимание на активизацию российской дипломатии на площадке ШОС, а также в рамках продвижения таких масштабных проектов, как международные транспортные коридоры «Восток — Запад» и «Север — Юг», Северный морской путь и газопровод «Сила Сибири 2». Во втором разделе рассматриваются последствия российско-китайского сближения для международных отношений. В частности, отмечается, что складывание стратегического альянса России и КНР актуализировало вопрос об укреплении уже существующих незападных форматов многостороннего сотрудничества, включая БРИКС и ШОС, и придало импульс развитию новых макрорегиональных проектов типа Большого евразийского партнерства. В заключение делается вывод, что система международных отношений переходит к модели «холодной войны 2.0», в рамках которой стагнирующему западному лагерю во главе с США будет противостоять динамично развивающийся Глобальный Юг.

---

* *Бабаев Кирилл Владимирович* — доктор филологических наук, профессор, директор Института Китая и современной Азии РАН (e-mail: kbabaev@iccaras.ru; ORCID: 0000-0001-5731-8667).

Ключевые слова: мировой порядок, мировая политика, мировая экономика, система международных отношений, поворот на Восток, Россия, Китай, ШОС, Большое евразийское партнерство, Глобальный Юг, Большая Евразия

Для цитирования: Бабаев К.В. Азиатская стратегия России в современной геополитике и геоэкономике // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 62–80. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-62-80.

Kirill V. Babaev

RUSSIA'S ASIAN STRATEGY IN CONTEMPORARY GEOPOLITICS AND GEOECONOMICS

*Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)
32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117977*

In recent years, Russian foreign policy and economic activity have been reorienting eastward, which has a noticeable impact not only on the Asian region, but also on the world politics as a whole. This article traces the key effects of Russia's 'pivot to the East' policy on international relations. The first section assesses the consequences of Russia's new foreign policy course for the Asian region. In this context, the author highlights the intensification of Russian diplomacy within the Shanghai Cooperation Organization (SCO), as well as in the promotion of large-scale projects such as the 'East–West' and 'North–South' international transport corridors, the Northern Sea Route, and the 'Power of Siberia 2' gas pipeline. The second section examines the implications of the Russia–China rapprochement for international relations. Specifically, the author emphasizes that the forging of a strategic alliance between Russia and the People's Republic of China has provided impetus for both the strengthening of existing non-Western multilateral cooperation formats, including BRICS and the SCO, and the development of new macro-regional projects such as the Greater Eurasian Partnership. The article concludes that the international relations system is transitioning toward a 'Cold War 2.0' model, in which the stagnating Western camp led by the United States will be counterbalanced by a dynamically developing Global South.

Keywords: world order, world politics, world economy, system of international relations, pivot to the East, Russia, China, SCO, Greater Eurasian Partnership, Global South, Greater Eurasia

About the author: *Kirill V. Babaev* — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Director of the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (e-mail: kbabaev@iccaras.ru; ORCID: 0000-0001-5731-8667).

For citation: Babaev, K.V. (2026) 'Russia's Asian strategy in contemporary geopolitics and geoeconomics', *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 62–80. Available at: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-62-80>. (In Russian.)

Начиная с середины 2010-х гг. Россия активно развивает азиатское направление своей внешней политики и внешнеэкономической деятельности. Этот процесс, в ходе которого Азия становится приоритетным регионом для отечественной дипломатии, торговли и межкультурного взаимодействия, часто называют «поворотом на Восток». В то же время более правильно было бы говорить о ребалансировке внешнеполитических и внешнеэкономических интересов России, ранее в течение длительного времени сосредоточенных в основном в Европе и странах СНГ.

Изменение основного вектора российской внешнеполитической деятельности имеет далеко идущие последствия не только для нашей страны, но и для всей мировой политики. В частности, российский «поворот на Восток» запускает процесс формирования амбициозного проекта Большой Евразии, который был бы невозможен без участия РФ. Помимо этого российская переориентация на Азию способствует созданию новых формальных и неформальных двусторонних союзов в политике и экономике, по крайней мере один из которых (Россия — Китай) уже имеет глобальный характер и на ближайшее десятилетие будет во многом определять геополитическую ситуацию в мире [Бабаев, 2024а]. Весьма важные последствия имеет российская переориентация на Азию для Европейского континента, прежде всего для стран Европейского союза.

Разрыв между Россией и Западом и лишь отчасти связанный с ним «азиатский поворот» нашей страны — один из важнейших геополитических трендов современного мира, что определяет высокую актуальность данной статьи. Этот вопрос, безусловно, заслуживает объемного исследования на уровне научной монографии. Однако, несмотря на это, на сегодняшний день в российской и зарубежной литературе ощущается недостаток научных публикаций на эту тему,

что в первую очередь связано с быстрыми темпами переориентации внешней политики России на сравнительно непродолжительном временном интервале. Не все эффекты этой переориентации проявились в полной мере, и тем более интересно спрогнозировать развитие некоторых из них.

Говоря о наиболее современных отечественных исследованиях, можно выделить статью С.А. Караганова и И.С. Козылова, одного из признанных авторов концепций «сибиризации» России и ее «поворота на Восток» [Караганов, Козылов, 2025]. В последние годы особое внимание уделяется изучению перспектив российской экономической переориентации в азиатском направлении [Лузянин, 2022; Мосяков и др., 2024; Николаенко, Куркина, 2025]. Ретроспектива десятилетия восточной политики России подробно рассмотрена в работе А.С. Науменко [Науменко, 2025]. О проблемах и рисках, возникающих на пути российской внешней и внешнеэкономической политики в ходе усиления восточного направления, пишут А.В. Торкунов и Д.В. Стрельцов [Торкунов, Стрельцов, 2023], а также Ю.В. Ельникова [Ельникова, 2024]. Российско-китайское сотрудничество как важнейший фактор российской восточной политики освещается в работе В.В. Михеева [Михеев, 2025].

Зарубежные авторы, исследующие современное развитие международных отношений [см., например: Duchynski, 2021; Hong, 2024; Lewis, 2019; Wisniewska, 2024], в большинстве случаев вынуждены учитывать негативный образ России, закрепившийся в сознании западных элит, и публиковать политически «корректные», т. е. резко негативные оценки происходящего¹, что существенно снижает ценность таких исследований как объективно научных.

В последние годы появляются публикации китайских ученых и экспертов, анализирующих изменения в российской политике и их последствия как для мира в целом, так и для Азиатского региона и, собственно, для Китая. Взгляд «с китайской пагоды» настолько же интересен, насколько и субъективен. И русскоязычные работы, и публикации на китайском языке сосредоточены в основном на российско-китайских отношениях и их перспективах в условиях нового фокуса российской внешней политики [Гао, 2025; Инь, 2023;

---

¹ См., например: Turning East: How Russia's ambitions in Asia are confronted by reality // New Eurasian Strategies Centre. 12.09.2025. URL: <https://nestcentre.org/turning-east/> (accessed: 15.01.2026).

Линь, 2024; Чжан, 2025]. В других работах исследуются различные направления развития российской экономики и внешней торговли в условиях закрытия западных рынков [Гу, 2023; Фэн и др., 2024; Хуан, Ван, 2024; Цюй, 2023; Шан, 2023], однако и эти публикации в основном касаются перспектив «азиатского поворота» Москвы с точки зрения реализации интересов Китая и в контексте китайско-российского взаимодействия.

Настоящая работа, написанная в рамках запуска на факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с Институтом Китая и современной Азии РАН новой магистерской программы «Современная Азия в многополярном мировом порядке», имеет целью кратко суммировать основные эффекты российского «поворота на Восток», которые могут оказать значительное влияние на мировую политику в период до 2050 г.

Последствия «восточного поворота» России для политики и экономики в Азии

Переориентация российской внешней политики и внешнеэкономической деятельности на Юг и Восток стартовала после 2014 г., однако в полной мере этот процесс проявился в 2022 г., после создания странами Запада искусственного «железного занавеса» на западных границах России. Наиболее наглядно об этом свидетельствуют показатели внешней торговли. В 2021 г. на долю ЕС приходилось 36% российского товарооборота, на долю Китая — вдвое меньше (18%)². Но уже в 2023 г. доля КНР во внешней торговле России выросла почти до 34%, а доля ЕС сократилась до 12,5%³. За период 2022–2025 гг. практически прекратились внешнеполитические отношения между Россией и странами Европейского союза, научный и студенческий обмен, в несколько раз упал туристический поток в обе стороны. В то же время цифры, описывающие взаимодействие с КНР в тех же сферах, напротив, показывали значительный рост, в результате чего по итогам 2024 г. Китай стал лидером среди стран дальнего

---

² Экспорт-импорт России за январь-декабрь 2021 года // Optimalog. 08.02.2022. URL: <https://optimalog.ru/articles/novosti-otrasli/eksport-import-rossii-za-yanvar-dekabr-2021-goda/> (дата обращения: 15.01.2026).

³ Загвоздкина К. Товарооборот России и ЕС вырос впервые с ноября 2023 года // Forbes. 20.09.2024. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/521585-tovarooborot-rossii-i-es-vyros-vpervye-s-noabra-2023-goda> (дата обращения: 15.01.2026).

зарубежья по числу туристических, деловых и образовательных поездок россиян [Линь, 2025].

Эти процессы оказали определяющее влияние на экономику и внешнюю политику России [см. подробнее: Бабаев, Лузянин, 2024]. Однако важно оценить, какой эффект имела восточная переориентация РФ в самих государствах Азии.

В первую очередь необходимо упомянуть консолидацию и рост Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). За последние годы она расширялась уже дважды: в 2023 г. к ней присоединился Иран, в 2024 г. — Белоруссия. В течение 2022–2025 гг. постоянно растет количество стран — партнеров ШОС по диалогу, их число достигло 14. При этом две такие страны — Армения и Азербайджан — в 2025 г. официально подали заявки на вступление в состав полноправных членов ШОС (эти заявки, правда, пока остаются заблокированными).

Саммит организации 2025 г., прошедший в китайском Тяньцзине, запомнился существенным углублением взаимодействия стран объединения в таких областях, как финансы, высокие технологии, торговля и транспорт. Многие наблюдатели называли этот саммит «беспрецедентным» именно из-за количества весьма содержательных документов, которые удалось подписать⁴. Однако важно и то, что в тяньцзиньском саммите принимали участие не только главы государств — членов ШОС, но и высокопоставленные гости, в частности генеральный секретарь ООН и лидеры двух стран — членов НАТО — Турции и Словакии.

Активность, проявляемая ШОС в последние годы, и усиление влияния этой организации, о котором в Тяньцзине говорили практически все главы государств, не в последнюю очередь объясняется активизацией усилий России по инициированию новых проектов в области экономики и безопасности.

Наиболее амбициозными проектами, продвигаемыми Москвой на уровне двусторонних контактов со странами ШОС и в целом в рамках организации, являются инициативы в области транспортировки и логистики. На сегодняшний день их четыре:

1) транспортный коридор «Восток — Запад» (в который вовлечены Россия, Казахстан, Монголия и Китай);

---

⁴ Макаревич Г. А плодов не хвалят сразу: итоги 25-го саммита ШОС для Индии и Пакистана // РСМД. 10.09.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/a-plodov-ne-khvalyat-srazu-itogi-25-go-sammitya-shos-dlya-indii-i-pakistana/?sphrase_id=234444210 (дата обращения: 15.01.2026).

2) транспортный коридор «Север — Юг» (Россия, Азербайджан, Иран, Пакистан, Индия, а также, возможно, Казахстан, страны Центральной Азии и Афганистан);

3) газопровод «Сила Сибири 2» и его ответвление «Союз — Восток» (Россия, Монголия, Китай);

4) Северный морской путь (СМП).

Все четыре проекта в случае их успешного осуществления смогут сыграть определяющую роль в экономическом развитии евразийского материка и формировании единой Большой Евразии. Важнейшую, хотя и не столь масштабную роль они будут играть для экономики и внешней политики государств Азии, причем не только тех, которые вовлечены в указанные инициативы. И хотя все четыре проекта имеют весьма давнюю историю, импульс к их разработке и осуществлению придала именно восточная переориентация России с 2022 г.

Транспортный коридор «Запад — Восток» изначально рассматривался как наиболее эффективный сухопутный маршрут транспортировки товаров между Китаем и Европой через территорию Казахстана и России (либо через Казахстан, Закавказье и Турцию). Сегодня это перспективный транспортный маршрут прежде всего для самой России, а также Белоруссии. С учетом того, что за последнее десятилетие товарооборот между РФ и КНР вырос почти втрое, коридор «Восток — Запад» приобретает большое геоэкономическое значение. Российская сторона неоднократно подчеркивала, что рассматривает его не только как маршрут с конечной точкой в Китае, но и как перспективный путь для торгово-экономического взаимодействия со странами АСЕАН. Фактически реализация этого проекта, особенно в купе с амбициозной и в целом схожей китайской инициативой «Пояс и путь» (ИПП), позволит сформировать единую ось торгового взаимодействия между европейской частью России и всей Восточной и Юго-Восточной Азией [Golubev, 2025].

В перспективе, после неизбежного завершения конфликта на Украине и возобновления торгово-экономических связей между РФ и ЕС, коридор «Запад — Восток» сможет служить своей первоначальной цели, т. е. соединять Европу и Восточную Азию. С точки зрения геополитики и геоэкономики его вес сможет сравниться со значением Великого шелкового пути в Средневековье.

Еще более важной представляется реализация транспортного коридора «Север — Юг». Предполагается, что основное его направление пройдет через Россию и Азербайджан (а также Грузию)

в Иран, а оттуда — через Аравийское море или, в перспективе, через Пакистан в Индию. В условиях резкого роста товарооборота между Россией и Ираном, Россией и Индией можно ожидать, что маршрут будет весьма востребован. Государства Центральной Азии, Казахстан и Афганистан весьма заинтересованы в том, чтобы альтернативные маршруты указанного коридора проходили также через их территории [Chediya et al., 2025].

С экономической точки зрения реализация проекта будет означать существенное усиление связи между Россией и Индией — двумя из трех крупнейших экономик Евразии [Zakharov, 2023], а также укрепление их влияния как в Иране, так и в государствах бывшего СССР в Закавказье и Центральной Азии. С точки зрения геополитики такой маршрут позволит России и Индии повысить статус стратегического партнерства, ослабит зависимость Индии от США, даст Дели возможность обрести подлинную стратегическую автономию, являющуюся одной из целей внешней политики страны. Россия получит серьезные рычаги воздействия на государства Закавказья и Центральной Азии. Возможно, реализация проекта позволит вовлечь Афганистан в полноценное сотрудничество с его соседями, интегрировать наиболее нестабильную страну Евразии в современные международные отношения.

Особую роль в упрочении партнерства между двумя сверхдержавами Евразии — Россией и Китаем — может сыграть газопровод «Сила Сибири 2». Именно в 2025 г. в осуществлении этого многообещающего проекта был сделан прорыв: в ходе визита президента России в Пекин был подписан юридически обязывающий меморандум о строительстве газопровода «Сила Сибири 2» и транзитного газопровода через Монголию «Союз Восток»⁵. Поставки газа по новому маршруту составят 50 млрд кубометров в год, контракт рассчитан на 30 лет. Не только для трех стран-участниц, но и для всей Евразии этот проект имеет большое значение. Он позволяет рассчитывать на несколько десятилетий взаимовыгодного сотрудничества двух ядерных держав, исходя из взаимной зависимости их экономик. Как известно, в 1970-е гг. именно нефте- и газопроводы позволили Советскому Союзу наладить подобное сотрудничество

⁵ Миллер сообщил о подписании обязывающего меморандума о строительстве «Силы Сибири 2» // Интерфакс. 02.09.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1045247> (дата обращения: 15.01.2026).

со странами Западной Европы, продолжавшееся вплоть до украинского конфликта. Газопровод в Китай, который сделает Россию ключевым поставщиком энергоносителей, позволит двум странам рассчитывать на дальнейшее сближение, что, безусловно, окажет влияние на общую систему безопасности в Евразии.

Наконец, СМП в последние годы также привлек к себе более пристальное внимание как российских властей, так и дипломатов стран Азии. Несмотря на то что его экономическая целесообразность была очевидна еще в 1990-е гг., процесс освоения этого чрезвычайно перспективного международного маршрута с участием азиатских государств был запущен только в 2024 г., когда РФ и КНР подписали протокол об учреждении подкомиссии по сотрудничеству по СМП. Председателем подкомиссии с российской стороны утвержден гендиректор госкорпорации «Росатом», с китайской — министр транспорта КНР. Летом 2025 г. первое судно с товарами из Китая преодолело маршрут в Европу через СМП, а в октябре Россия и Китай утвердили план мероприятий по дальнейшему развитию перевозок по этому коридору. Сегодня российское правительство, Внешэкономбанк и ведущие госкорпорации разрабатывают планы по формированию консорциума с целым рядом стран Евразии, заинтересованных в развитии СМП, который на треть сокращает сроки доставки товаров в европейские порты. В качестве участников проекта могут рассматриваться, помимо КНР, также Индия, Вьетнам, Южная Корея и Япония — все они в разное время выражали заинтересованность в данном маршруте. Участие зарубежных инвесторов будет ключевым условием для скорейшего создания необходимой инфраструктуры.

Будучи чисто транспортно-логистическим проектом, направленным на снижение стоимости морских перевозок, СМП на самом деле обладает и значительным политическим потенциалом. В случае перенаправления хотя бы части морских транспортных потоков из Индийского в Северный Ледовитый океан резко снижается зависимость Китая от Соединенных Штатов, в разной степени осуществляющих контроль над проливами и торговыми путями из Тихого океана в Индийский. Это условие станет особенно актуальным в случае начала горячей фазы тайваньского конфликта. Если сегодня КНР не может пойти на обострение, опасаясь проблем для своих транспортных артерий в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море, то использование СМП даст Пекину большую свободу для

маневра, что позволит быстро перенаправить транспортный поток из южных морей в северные [Шэнь, 2022].

Кроме того, инфраструктура СМП будет играть и весьма важную военно-политическую роль в Арктике, что приведет к резкому росту возможностей России по контролю над Северным Ледовитым океаном [Алхименко, 2023]. Возможно, Китай также попытается воспользоваться своим участием в проекте развития СМП, для того чтобы упрочить свое значение как «приарктического» государства и с помощью экономических рычагов усилить влияние на государства Северной Европы.

Основные эффекты «восточного поворота» России для мировой политики

Основным последствием разрыва Западом отношений с Россией стало, безусловно, ее беспрецедентное сближение с Китаем, в результате которого сформировался полноценный, хотя и неформальный, стратегический альянс между двумя из трех сверхдержав на мировой арене. Этот альянс стал прямым следствием недальновидной политики США, отказавшихся в 2021 г. принимать во внимание российские национальные интересы в Европе. Это неоднократно признавал и президент Д. Трамп⁶. Двойная политика «сдерживания» КНР и «изоляции» России, проводившаяся несколькими подряд демократическими администрациями в Вашингтоне, потерпела фиаско. На сегодняшний день Россия и Китай, во-первых, координируют свои позиции в Совете Безопасности и других органах ООН, во-вторых, оказывают активную дипломатическую поддержку друг другу по наиболее чувствительным внешнеполитическим вопросам (Украина и Тайвань), занимают единую позицию по проблемам будущего мироустройства и системы глобального управления (например, относительно неприемлемости односторонних санкций, уважения политических и общественных систем всех стран, инклюзивной безопасности). За последние четыре года Россия и Китай значительно укрепили как военное, так и военно-техническое сотрудничество, регулярно организуя совместные учения как на суше, так и в акваториях Тихого и Индийского океанов. В области экономического

---

⁶Дуганова П. Трамп назвал Россию и Китай естественными врагами // РБК. 16.08.2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/689fe95e9a79477ac4798438> (дата обращения: 15.01.2026).

сотрудничества обе державы проводят политику дедолларизации и практически полностью перешли на расчеты в национальных валютах, постепенно формируя единую финансово-платежную инфраструктуру. Сближение России с Ираном и КНДР, а Китая — с Пакистаном де-факто формирует систему политических и военно-политических союзов вокруг оси «Москва — Пекин».

Стратегическое партнерство России и Китая придало новый импульс многосторонним форматам, где они являются основными драйверами. Представляется очевидным, что расширение и усиление ШОС, о котором говорилось выше, не могло бы происходить без активного вовлечения России. Однако то же можно сказать и о формате БРИКС: наиболее мощный рост этого объединения произошел именно в 2023–2025 гг. Напомним, что состав БРИКС сформировался еще в 2011 г. и до 2023 г. не менялся. С января 2024 г. полноправными членами объединения стали Египет, Эфиопия, Иран, ОАЭ и Индонезия — важные региональные игроки на Ближнем и Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии. В 2025 г. целых 10 стран, представляющих Африку, Азию и Латинскую Америку, получили статус партнеров БРИКС. Официальные заявки на вступление в объединение подали еще 17 государств. Ожидается, что на саммите 2026 г. будет продолжен диалог о вступлении новых членов.

Причинами столь быстрого роста роли и популярности БРИКС является ситуация, сложившаяся в отношениях между Россией и Западом. Страны Глобального Юга стремятся избежать рисков доминирования США в мировой экономике и торговле, налаживая новые связи между собой. Зависимость от доллара, хранение суверенных средств в западных валютах и финансовых институтах, внезапное введение торговых пошлин, арест или конфискация активов, давление на правительства или вмешательство в политическую ситуацию в стране — всё это представляется большинству государств Глобального Юга в свете той политики, которую США и их союзники проводят в отношении России, как реальная угроза их собственным интересам. Это вызывает среди них ощущение незащищенности и стремление сформировать новую, альтернативную инфраструктуру торговли, финансов, новые форматы в области безопасности, которые будут неподконтрольны Вашингтону. Политика администрации Д. Трампа, основанная на использовании силы безо всякой опоры на дипломатию и компромиссы, способна еще более усилить эту тенденцию.

В результате формируются и усиливаются новые многосторонние форматы, дающие определенную страховку странам мирового большинства от западного давления. Разумеется, в отсутствие других полюсов силы они формируются прежде всего вокруг крупнейших незападных ядерных держав — России, Китая, Индии.

Потенциальным неформальным объединением, которое может обрести конкретные очертания в ближайшие годы, является Большая Евразия. Концепция Большого евразийского партнерства (БЕП) была выдвинута российским президентом еще в 2015 г., однако сейчас, по прошествии десятилетия, она получает более определенные очертания. Принципы БЕП — равноправие больших и малых стран, взаимное уважение национальных интересов, единое торговое, финансовое и транспортно-логистическое пространство без границ и искусственных ограничений — в последние годы всё более привлекает государства Южной и Восточной Азии, Ближнего Востока. В КНР видят Большую Евразию как естественное продолжение своего проекта ИПП, а в Индии — напротив, как альтернативу, способную уравновесить ИПП и сбалансировать растущую экономическую мощь Китая.

БЕП рассматривается как единое пространство не только государств, но и международных объединений. Такие организации, как ШОС, СНГ, Евразийский экономический союз, уже восприняли идею Большой Евразии и используют это понятие в совместных заявлениях. «Большая Евразия» звучит с трибун мероприятий Совещания по безопасности и мерам доверия в Азии (СВМДА)⁷ и Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ). Россия активно стремится вовлечь в проект и другие многосторонние форматы, включая АСЕАН и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Поскольку БЕП не имеет военно-политического измерения и рассматривается лишь как оформление единого пространства экономического партнерства в Евразии, эта концепция обладает привлекательностью для всех без исключения стран от Калининграда до Сингапура и потому обладает большим потенциалом. Активная дипломатическая и внешнеэкономическая деятельность России вполне может превратить идею БЕП в полноценный международный формат уже к концу текущего десятилетия

---

⁷Лавров обсудил с генсеком СВМДА ключевую повестку Большой Евразии // ТАСС. 11.02.2025. URL: <https://tass.ru/politika/23111657> (дата обращения: 15.01.2026).

и тем самым воплотить давнюю мечту части российской интеллигенции о России как объединителе Европы и Азии [Филькевич, 2024].

* * *

Российский «поворот на Восток», активно обсуждавшийся еще с начала 2010-х гг., стал реальностью лишь в последние четыре года. Этот процесс в свою очередь является и отражением, и катализатором перестройки глобальных политических и экономических связей, постепенной смены парадигмы всего глобального управления.

Для мировой политики разрыв России с Западом означает прежде всего стратегический альянс двух из трех крупнейших ядерных держав — России и Китая, фактически направленный на противодействие глобальному доминированию третьей — Соединенных Штатов. Вокруг российско-китайского альянса формируется инфраструктура будущей системы международных отношений: совместными усилиями две страны развивают региональные и глобальные форматы в сфере экономики, технологий и безопасности, такие как ШОС и БРИКС. При всё более активном участии Индии становится возможным формирование единого экономического пространства в Евразии в виде БЕП: в будущем это пространство может послужить моделью для новой глобализации на основе иных, незападных принципов.

Российский импульс на восточном и южном направлениях способен значительно оживить не только ее двусторонние связи с государствами Азии, но и всю азиатскую экономику, чему будет способствовать реализация четырех транспортно-логистических проектов с российским участием: коридоров «Север — Юг» и «Запад — Восток», газопровода «Сила Сибири 2» (и ему подобных газотранспортных проектов в южном направлении), а также СМП.

По сути, если рассматривать текущую геополитическую ситуацию в ретроспективе, мир переходит к модели «Второй холодной войны» [Бабаев, 2024b], когда мировая политика будет определяться взаимодействием и противостоянием двух лагерей — восточного и западного. Однако, в отличие от холодной войны XX в., восточный лагерь сегодня включает крупнейшие мировые экономики и динамично развивающийся Глобальный Юг, а западный концентрируется по-прежнему вокруг стагнирующих стран Запада. Новая система международных отношений, скорее всего, окончательно оформится уже к 2030 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алхименко С.И. Северный морской путь и геополитика России в Арктике // Морские исследования на Дальнем Востоке. Вопросы использования флота компании группы ПАО «Совкомфлот»: сборник докладов VI научно-практической конференции «Морские исследования на Дальнем Востоке», Владивосток, 23 ноября 2023 г. Владивосток: Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, 2023. С. 89–94.
2. Бабаев К.В. Вторая холодная война // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 8 (656). С. 5–15. DOI: 10.31857/S2686673024080013.
3. Бабаев К.В. Идея «Большой Евразии» и поворот российской экономики на Восток // Экономика Центральной Азии. 2024. Т. 8, № 2. С. 91–110. DOI: 10.18334/asia.8.2.121012.
4. Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток: восточноазиатский вектор России, 2014–2024. М.: Российская академия наук, 2024.
5. Гао Ц. Китайско-российское сотрудничество на Дальнем Востоке в контексте взаимодействия «открытости на Север» и «поворота на Восток» // Экономика региона. 2025. Т. 21, № 3. С. 802–816. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-3-16.
6. Гу В. Секьюритизация стратегии продвижения России на Восток: характеристики, мотивы и перспективы // Журнал исследований Северо-Восточной Азии. 2023. № 2 (67). С. 57–74. (На китайском яз.)
7. Ельников Ю.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Мировая политика. 2024. № 3. С. 9–20. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.3.71764.
8. Инь С. Российско-китайские двусторонние отношения на фоне перехода от стратегии «Поворот на Восток» к концепции «Большая Евразия» // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5 (118). С. 32–37. DOI: 10.24158/пер.2023.5.4.
9. Караганов С.А., Козылов И.С. Восточный поворот 2.0, или «Сибиризация» России // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 1 (131). С. 221–229. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229.
10. Линь Л. Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество на фоне стратегии «Поворот на Восток» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 194–200. DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-1-194-200.
11. Линь Л. Стратегия поворота на Восток: эволюция и влияние на китайско-российские отношения // Власть. 2025. Т. 33, № 1. С. 15–22. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-1-15-22.
12. Лузянин С.Г. Дальневосточное измерение российского поворота на Восток. Закроет ли Китай санкционные «бреши» России? // Азия и Африка сегодня. 2022. № 6. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750020426-0.

13. Михеев В.В. Повернуть Восток к России: фактор Китая // Вестник МГИМО-Университета. 2025. Т. 18, № 4. С. 7–45. DOI: 10.24833/2071-8160-2025-4-103-7-45.

14. Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И., Данилов В.А. Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 181–191. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-181-191.

15. Науменко А.С. Российская политика поворота на Восток, 2014–2024 гг.: основные результаты // Власть. 2025. Т. 33, № 2. С. 86–90. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-2-86-90.

16. Николаенко А.В., Куркина Е.Н. Поворот России на Восток: перспективы сотрудничества со странами Большой Евразии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 1 (51). С. 141–149. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-141-149.

17. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 4. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16.

18. Филькевич И.А. Большое евразийское партнерство: от Николая Данилевского до Владимира Путина // Евразийский диалог. 2024. № 1. URL: <https://eadialog.com/tpost/mfmyg2lhf1-i-filkevich-bolshoe-evraziiskoe-partnyor> (дата обращения: 15.01.2026).

19. Фэн Ш. и др. Кризис и порядок: проблемы глобальной трансформации в XXI веке // Российские исследования. 2024. № 3. С. 3–24. (На китайском яз.)

20. Хуан Д., Ван И. Российская политика «поворота на Восток»: мотивирующие факторы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 1. С. 18–30. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-18-30.

21. Цюй В. Валютная трансформация России и использование юаня в российской экономике // Российские исследования. 2023. № 6. С. 45–69. (На китайском яз.)

22. Чжан Ц. Китайско-российское морское сотрудничество в контексте стратегии России «Поворот на Восток» // Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе и океанографические исследования. 2025. № 2. (На китайском яз.)

23. Шан Ю. На фоне украинского кризиса Россия ускоряет свой «поворот на Восток» // Современные международные отношения. 2023. № 4. (На китайском яз.)

24. Шэнь Ч. Глобальное значение Северного морского пути и роль Китая в данном транспортном коридоре // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 5. С. 155–169.

25. Chediya A.R., Imamkulieva E.E., Razdrih M. International North-South transport corridor: socio-political reasons of development // *Asia and Africa Today*. 2025. No. 6. P. 62–69. DOI: 10.31857/S0321507525060079.

26. Duchynski K.R. Looking East: evaluating Russia's pivot to Asia: PhD thesis. Stanford, 2021. URL: <https://purl.stanford.edu/gg245sb8154> (accessed: 15.01.2026).

27. Golubev A.A. History and prospects of the international East — West transport corridor // *BRICS Transport*. 2025. Vol. 4, No. 2. DOI: 10.46684/2025.2.5.

28. Hong W.-S. The Putin paradox and Russia's pivot to Asia // *Global Asia*. 2024. Vol. 19, No. 2. URL: https://www.globalasia.org/v19no2/feature/the-putin-paradox-and-russias-pivot-to-asia_wan-suk-hong (accessed: 15.01.2026).

29. Lewis D. Strategic culture and Russia's «Pivot to the East»: Russia, China, and «Greater Eurasia» // George C. Marshall European Center for Security Studies. July 2019. No. 34. URL: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/strategic-culture-and-russias-pivot-east-russia-china-and-greater-eurasia-0> (accessed: 15.01.2026).

30. Wisniewska I. Pivot to the East Russia's transport policy: OSW report. Warsaw, Center for Eastern Studies, 2024. URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/OSW-Pivot%20to%20the%20east.%20Russia's%20transport%20policy_net.pdf (accessed: 15.01.2026).

31. Zakharov A. The international North-South transport corridor: the prospects and challenges for connectivity between Russia and India // *MGIMO Review of International Relations*. 2023. Vol. 16, No. 2. P. 216–234. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234.

REFERENCES

1. Alkhimenko, S.I. (2023) 'Severnyi morskoi put' i geopolitika Rossii v Arktike' [The Northern Sea Route and Russia's geopolitics in the Arctic], in *Morskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke. Voprosy ispol'zovaniya flota kompanii gruppy PAO "Sovkomflot": sbornik dokladov VI nauchno-prakticheskoi konferentsii "Morskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke", Vladivostok, 23 noyabrya 2023 goda* [Marine research in the Far East — the use of the Sovcomflot group fleet]. Vladivostok: Morskoi gosudarstvennyi universitet im. adm. G.I. Nevel'skogo Publ., pp. 89–94. (In Russian.)

2. Babaev, K.V. (2024a) 'Vtoraya kholodnaya voina' [Cold War II], *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, (8), pp. 5–15. Available at: <https://doi.org/10.31857/S2686673024080013>. (In Russian.)

3. Babaev, K.V. (2024b) 'Ideya "Bol'shoi Evrazii" i povorot rossiiskoi ekonomiki na Vostok' [The idea of Greater Eurasia and the Russian economy's turn to the East], *Journal of Central Asia Economy*, 8(2), pp. 91–110. Available at: <https://doi.org/10.18334/asia.8.2.121012>. (In Russian.)

4. Babaev, K.V. and Luzianin, S.G. (2024) *Povorot na Vostok: vostochnoaziatskii vektor Rossii, 2014–2024* [Pivot to the East: Russia's East Asian vector, 2014–2024]. Moscow: Rossiiskaya akademiya nauk Publ. (In Russian.)

5. Gao, Ts. (2025) 'Kitaisko-rossiiskoe sotrudnichestvo na Dal'nem Vostoke v kontekste vzaimodeistviya "otkrytosti na Sever" i "povorota na Vostok"' [Sino-Russian cooperation in the Far East in the context of the "Openness to the North" and "Turn to the East" strategies], *Economy of Regions*, 21(3), pp. 802–816. Available at: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-16>. (In Russian.)

6. Gu, W. (2023) 'Sek'yuritizatsiya strategii prodvizheniya Rossii na Vostok: kharakteristiki, motivy i perspektivy' [Securitization of Russia's eastward advancement strategy: characteristics, motives and prospects], *Dongbeiya xuekan*, 2, pp. 57–74. (In Chinese.)

7. El'nikova, Yu.V. (2024) 'Rossiiskii povorot na Vostok: dostizheniya, problemy i perspektivy' [Russia's turn to the East: achievements, problems and prospects], *World Politics*, 3, pp. 9–20. Available at: <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2024.3.71764>. (In Russian.)

8. In', S. (2023) 'Rossiisko-kitaiskie dvustoronnie otnosheniya na fone perekhoda ot strategii "Povorot na Vostok" k kontseptsii "Bol'shaya Evraziya"' [Sino-Russian bilateral relations amid the transition from the "Pivot to the East" strategy to the "Greater Eurasia" concept], *Society: Politics, Economics, Law*, (5), pp. 32–37. Available at: <https://doi.org/10.24158/pep.2023.5.4>. (In Russian.)

9. Karaganov, S.A. and Kozylov, I.S. (2025) 'Vostochnyi povorot 2.0, ili "Sibirizatsiya" Rossii' [Eastward turn 2.0, or "Siberiazation" of Russia], *Russia in Global Affairs*, 23(1), pp. 221–229. Available at: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229>. (In Russian.)

10. Lin', L. (2024) 'Kitaisko-rossiiskoe torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo na fone strategii "Povorot na Vostok"' [Sino-Russian trade and economic cooperation against the backdrop of the "Turn to the East" strategy], *State and municipal management. Scholar notes*, (1), pp. 194–200. Available at: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-194-200>. (In Russian.)

11. Lin', L. (2025) 'Strategiya povorota na Vostok: evolyutsiya i vliyanie na kitaisko-rossiiskie otnosheniya' [The strategy of pivot to the East: evolution and impact on Sino-Russian relations], *The Authority*, 33(1), pp. 15–22. Available at: <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-1-15-22>. (In Russian.)

12. Luzyanin, S.G. (2022) 'Dal'nevostochnoe izmerenie rossiiskogo povorota na Vostok. Zakroet li Kitai sanktsionnye "breshi" Rossii?' [The Far Eastern dimension of the Russian pivot to the East. Will China close Russia's sanctions gaps?], *Asia and Africa Today*, (6), pp. 5–14. Available at: <https://doi.org/10.31857/S032150750020426-0>. (In Russian.)

13. Mikheev, V.V. (2025) 'Povernut' Vostok k Rossii: faktor Kitaya' [Turning the East toward Russia: the China factor], *MGIMO Review of International*

Relations, 18(4), pp. 7–45. Available at: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-7-45>. (In Russian.)

14. Mosyakov, D.V., Shpakovskaya, M.A., Pon'ka, T.I. and Danilov, V.A. (2024) 'Razvorot na Vostok kak faktor ukrepleniya vliyaniya Rossii v Azii' [Pivot to the East as a factor in strengthening Russian influence in Asia], *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), pp. 181–191. Available at: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-181-191>. (In Russian.)

15. Naumenko, A.S. (2025) 'Rossiiskaya politika povorota na Vostok, 2014–2024 gg.: osnovnye rezul'taty' [Russian policy of turn to the East, 2014–2024: main results], *The Authority*, 33(2), pp. 86–90. Available at: <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-2-86-90>. (In Russian.)

16. Nikolaenko, A.V. and Kurkina, E.N. (2025) 'Povorot Rossii na Vostok: perspektivy sotrudnichestva so stranami Bol'shoi Evrazii' [Russia's turn to the East: prospects for cooperation with Greater Eurasia countries], *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 19(1), pp. 141–149. Available at: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-141-149>. (In Russian.)

17. Torkunov, A.V. and Strel'tsov, D.V. (2023) 'Rossiiskaya politika povorota na Vostok: problemy i riski' [Russian policy of turning to East: problems and risks], *World Economy and International Relations*, 67(4), pp. 5–16. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16>. (In Russian.)

18. Fil'kevich, I.A. (2024) 'Bol'shoe evraziiskoe partnerstvo: ot Nikolaya Danilevskogo do Vladimira Putina' [Eurasia is so big and so close], *The Eurasian Dialogue*, 1. Available at: <https://eadialog.com/tpost/mfmyg2lhf1-i-filkevich-bolshoe-evraziiskoe-partnyor> (Accessed: 15 January 2026). (In Russian.)

19. Feng, Sh. et al. (2024) 'Krizis i poryadok: problemy global'noi transformatsii v XXI veke' [Crisis and order: problems of global transformation in the 21st century], *Rossiiskie issledovaniya*, 3, pp. 3–24. (In Chinese.)

20. Khuan, D. and Van, I. (2024) 'Rossiiskaya politika "povorota na Vostok": motiviruyushchie factory' [Russia's turn to the East: motivating factors], *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), pp. 18–30. Available at: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-18-30>. (In Russian.)

21. Tsiui, V. (2023) 'Valyutnaya transformatsiya Rossii i ispol'zovanie yuanya v rossiiskoi ekonomike' [Russia's monetary transformation and the use of the yuan in the Russian economy], *Rossiiskie issledovaniya*, 6, pp. 45–69. (In Chinese.)

22. Chzhan, Ts. (2025) 'Kitaisko-rossiiskoe morskoe sotrudnichestvo v kontekste strategii Rossii "Povorot na Vostok"' [Sino-Russian maritime cooperation in the context of Russia's "Turn to the East" strategy], *Bezopasnost' v Aziatsko-Tikhookeanskom regione i okeanograficheskie issledovaniya*, 2. (In Chinese.)

23. Shan, Iu. (2023) 'Na fone ukrainskogo krizisa Rossiya uskoryaet svoi "povorot na Vostok"' [Against the backdrop of the Ukrainian crisis, Russia is accelerating its "Turn to the East" policy], *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya*, 4. (In Chinese.)

24. Shen', Ch. (2022) 'Global'noe znachenie Severnogo morskogo puti i rol' Kitaya v dannom transportnom koridore' [The global significance of the Northern Sea Route and the role of China in this transport corridor], *Voprosy ustoiichivogo razvitiya obshchestva*, 5, pp. 155–169. (In Russian.)

25. Chediya, A.R., Imamkulieva, E.E. and Razdrih, M. (2025) 'International North-South transport corridor: socio-political reasons of development', *Asia and Africa Today*, 6, pp. 62–69. Available at: <https://doi.org/10.31857/S0321507525060079>.

26. Duchynski, K.R. (2021) *Looking East: evaluating Russia's pivot to Asia*. PhD thesis. Stanford University. Available at: <https://purl.stanford.edu/gg245sb8154> (Accessed: 15 January 2026).

27. Golubev, A.A. (2025) 'History and prospects of the international East-West transport corridor', *BRICS Transport*, 4(2). Available at: <https://doi.org/10.46684/2025.2.5>.

28. Hong, W.-S. (2024) 'The Putin paradox and Russia's pivot to Asia', *Global Asia*, 19(2). Available at: https://www.globalasia.org/v19no2/feature/the-putin-paradox-and-russias-pivot-to-asia_wan-suk-hong (Accessed: 15 January 2026).

29. Lewis, D. (2019) 'Strategic culture and Russia's "Pivot to the East": Russia, China, and "Greater Eurasia"'. *George C. Marshall European Center for Security Studies*, 34. Available at: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/strategic-culture-and-russias-pivot-east-russia-china-and-greater-eurasia-0> (Accessed: 15 January 2026).

30. Wisniewska, I. (2024) *Pivot to the East Russia's transport policy: OSW report*. Warsaw: Center for Eastern Studies. Available at: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/OSW-Pivot%20to%20the%20east.%20Russia's%20transport%20policy_net.pdf (Accessed: 15 January 2026).

31. Zakharov, A. (2023) 'The international North-South transport corridor: the prospects and challenges for connectivity between Russia and India', *MGIMO Review of International Relations*, 16(2), pp. 216–234. Available at: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234>.

Статья поступила в редакцию 16.11.2025;
одобрена после рецензирования 21.01.2026;
принята к публикации 22.03.2026

The paper was submitted 16.11.2025;
approved after reviewing 21.01.2026;
accepted for publication 22.03.2026